

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 105 (3761)

Суббота, 31 августа 1957 г.

Цена 40 коп.

В БОРЬБЕ ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА

В СОВЕТСКОЙ печати опубликовано сокращенное изложение выступлений первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 года, на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая и на собрании партийного актива в июле 1957 года. В этом документе, названном «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», развернута боевая программа действий для писателей, художников, скульпторов, композиторов, всех работников социалистической культуры.

Вместе с партией, вместе с народом живут и творят советские писатели. Только живая, плодотворная связь с партией и народом — залог творческих успехов деятелей литературы и искусства.

«Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом» — эти слова Н. С. Хрущева с афористической сжатостью выражают главное и основное в творческой позиции советских писателей.

Здесь подчеркнуты партийность и народность советской литературы, ее активное участие во всенародном деле строительства коммунизма.

К сожалению, есть еще отдельные деятели литературы и искусства, которые, подвергаясь различным чуждым влияниям и теряя правильное понимание своего творческого долга, уклоняются от главной линии развития.

«А главная линия развития, — говорит товарищ Н. С. Хрущев, — состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

Эта главная линия развития обусловила за короткий исторический срок бурный расцвет литературы и искусства в Советской стране. К празднику 40-летия Октябрьской революции советские писатели, художники, скульпторы, композиторы с законной гордостью могут оглянуться на сделанное ими, на большое количество накопленных художественных ценностей, обогащающих мировую культуру.

Метод социалистического реализма позволяет выразить все то качественно новое, что принесло с собой революционное развитие самой действительности. Метод социалистического реализма способствует раскрытию многообразных талантов со всеми их индивидуальными особенностями.

И это богатство индивидуального своеобразия многих и многих творческих личностей объединяет общей политической и идейной направленностью борцов за строительство коммунизма.

Советские писатели понимают консолидацию своих усилий как консолидацию на партийно-принципиальной основе.

Борьба против всевозможных уклонений от ленинского принципа партийности остается непреложным долгом писателя общественной деятельности.

Совсем недавно на III пленуме правления Союза писателей СССР были подвергнуты суровой и справедливой принципиальной критике ошибки отдельных литераторов и редколлегии журнала «Новый мир» и сборника «Литературная Москва».

При обсуждении журнала «Москва» на секретариате Союза писателей СССР указывалось на ряд недоброкачественных произведений, напечатанных в этом молодом журнале.

Товарищ Н. С. Хрущев сказал об ошибочных позициях таких литераторов, как М. Алигер, о порочном романе В. Дудинцева, о слабостях в работе Московского отделения Союза писателей, которое явно не выполняет своих задач, как самое многочисленное и сильное по своим творческим возможностям объединение писателей.

Осуждены и порочные методы работы журнала «Новый мир» и сборника «Литературная Москва».

Обращаясь к вопросам развития творческого метода советской литературы, товарищ Н. С. Хрущев призывает писателей рассматривать противоречия жизни с партийных позиций. «В жизни, в действительности наряду с положительным всегда существует и отрицательное, порой ярким с цветами растет бурьян. В отображении действительности все зависит от автора».

И далее разъясняется, что партия выступает против одностороннего, недобросовестного, несправедливого освещения нашей действительности в литературе и искусстве.

«Мы против тех, кто выискивает в жизни только отрицательные факты и зарлаждает по этому поводу, пытается охватить, очернить наши советские порядки. Мы также и против тех, кто создает суровые, под-

слаженные картины, оскорбляющие чувства вашего народа, который не приемлет и не терпит никакой фальши. Советские люди отвергают и такие, по существу, клеветнические сочинения, как книга Дудинцева «Не хлебом единым», и такие слащавые, приторные фильмы, как «Незабываемый 1919-й» или «Кубанские казаки».

Такие конкретные оценки отдельных художественных произведений учат литераторов правильно разбираться в противоречиях живой действительности. Ведь до сих пор встречаются такие литературные суждения, когда вместо анализа идейно-художественной концепции автора идет арифметический подсчет элементов «положительного» и элементов «отрицательного», вплоть до определения количества героев того или иного типа. Между тем только выделение идейной позиции автора и его творческого метода позволяет выявить и характер освещения им изображаемых людей, событий, обстановки.

Выступления товарища Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства признают литераторов высоко держащих знамя партийности, народности, идейности. Под этим знаменем росла и развивалась советская литература на протяжении сорока лет ее жизни и борьбы.

Для современного состояния советской литературы характерны ее массовость, многочисленность кадров, рост писательских организаций не только в столичных городах наших республик, но и на периферии. Кроме давно известных журналов «Сибирские огни» и «Дальний Восток», приобретают ныне известность новые журналы «Дон» и «Подъем». Все больше творческих достижений дают писательские организации таких городов, как Ростов-на-Дону, Воронеж, Новосибирск, Иркутск, Хабаровск, Свердловск, Смоленск, Саратов, Горький и другие.

Неправильным и несправедливым надо признать сложившееся в издательской практике ущемление прав «периферийных» авторов по тиражам и гонорарам. Не было до вчерашнего дня оформлено и профессионально-правовое положение писателей РСФСР, раздельных, живущих в различных краях, областях и национальных автономных республиках, нуждающихся в создании Союза писателей РСФСР.

Об этом важнейшем деле в выступлениях товарища Н. С. Хрущева сказано следующее: «Создание Союза писателей РСФСР является одной из важных мер в ряду осуществляемых Центральным Комитетом партии и Советским правительством мероприятий по дальнейшему расширению прав союзных республик и повышению роли Российской Федерации. Наряду с идейно-творческими вопросами, которые должны быть в центре внимания Союза писателей РСФСР, предстоит серьезно продумать мероприятия, которые способствовали бы росту писательских сил на местах».

О многих актуальных проблемах литературы и искусства говорится в опубликованном документе.

Определяется здесь творческая связь литературы и искусства с жизнью народа, утверждается образ политически активного, деятельного, вторгающегося в жизнь художника-творца, утверждается и образ подлинного положительного героя нашего времени — борца и создателя, строителя коммунизма.

Все эти основополагающие для нашей современной эстетике положения даны в широкой и глубокой перспективе общего движения Советской страны к коммунизму. В этой же перспективе сказано и о задачах преодоления культа личности И. В. Сталина, о революционных заслугах и историческом значении его деятельности и о его серьезных ошибках.

Вскрыты причины идейных шатаний и колебаний отдельных неустойчивых литераторов и деятелей искусства, не сумевших разобраться в противоречиях жизни.

Партия прямо и открыто заявляет, что наше движение вперед к коммунизму происходит не по проторенной, гладкой дорожке. Кто утерчет цель и перспективу, тот собьется с пути. Догматизм и начетничество недопустимы так же, как и нигилизм и ревизионизм. Потеряла крах и была осуждена юнкерская Пленумом ЦК КПСС антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и прикнувшего к ним Шеннилова. Когда после XX съезда партия повела решительную борьбу против культа личности и его последствий, нашлись и у нас, на Украине, некоторые склонные к ступению красок писатели, которые принялись чернить все подряд. Но ведь всегда жили и живут и в народе, и в партии могучие ленинские силы, в которых писатель находил и находит опору и поддержку.

Настоящие советские писатели всегда были с партией, всегда — порой в сложных, нелегких условиях — мужественно помогали ей отстаивать и защищать в литературе все здоровое, свежее, народное. Никак нельзя согласиться с теми, кто, кроме извращений, ничего не хотел бы видеть в нашем недалеком прошлом.

Опубликование выступлений Н. С. Хрущева — важное событие. Родной волнующий голос партии слышим мы в этих выступлениях, которые станут для нас, советских литераторов, действительной творческой программой в служении своему народу.

Ольга ГОНЧАР

К 40-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ

ДИОРАМА
«ШТУРМ
ЗИМНЕГО
ДВОРЦА»

Зимний дворец в ночь с 25 на 26 октября 1917 года революционные рабочие, матросы и солдаты штурмом взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство, представлявшее интересы буржуазии и контрреволюционных сил. Громою своих пушек крейсер «Аврора» возвестил начало новой эры — эры Великой социалистической революции. С этого момента начинается летоисчисление нашего социалистического государства, славное сорокалетие которого мы будем вскоре отмечать.

Штурм Зимнего дворца — тема, которая уже не раз решалась деятелями искусства и литературы. Художник Е. Дешалита вновь вернулся к этой теме. Он создает диораму, которая к 40-летию Октября будет демонстрироваться в Государственном музее Революции СССР. Специальное сооружение занимает всю стену

одного из залов. Под руководством опытного художника, автора многих диорам Е. Дешалита работает бригада скульпторов, макетчиков, электриков. Уже нанесены контуры Петрограда, каким он был в тот период. Темная осенняя ночь тревожно озаряется заревом пожаров. Над городом поднялся густой дым. Видна Петропавловская крепость. Вспышки разрывов освещают купол Исакиевского собора, золотой шпиль Адмиралтейства. Вдали — силуэты прославленных балтийских

кораблей, вошедших в Неву. На переднем плане — в центре диорамы — Дворцовая площадь. На ней возвышается символ русской боевой славы — могучая Александровская колонна, воздвигнутая в память побед над Наполеоном. А на окантованной порохом дымом площадке бойцы революции стремительно штурмуют Зимний дворец. Здесь изображены свыше тысячи фигур рабочих, солдат и матросов, броневиков, автомашин... Это будет самая большая диорама на историко-революционную тему, ее длина — свыше десяти метров. На нашем снимке — эскиз, по которому создается диорама «Штурм Зимнего дворца».

Слово советских писателей

Честно служить народу

ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства находят в центре внимания писательской общественности всех республик. Глубокой заботой о судьбах многонациональной нашей литературы проникнуты эти выступления, согретые огромной верой в священные ленинские дела, в могучие творческие силы народа.

Социалистическая литература по самой природе своей самая гуманная, человеческая. Верно и честно служить своему народу, глубоко изучать жизнь простых людей, их думы и чаяния, показать подлинное величие советского человека — вот к чему призывает нас первый секретарь ЦК нашей партии в своих выступлениях. Каждого, кто знакомится с этими выступлениями, являющимися примером творческой, вечно развивающейся марксистско-ленинской мысли, они не могут не поразить всеотorno, глубоким знанием живой жизни народа, его интересов и потребностей, знанием, которого, кстати сказать, так не хватало оторвавшимся от народа начетчикам и талмудистам из антипартийной группы Маленкова — Кагановича, Молотова и прикнувшего к ним Шеннилова.

Когда после XX съезда партия повела решительную борьбу против культа личности и его последствий, нашлись и у нас, на Украине, некоторые склонные к ступению красок писатели, которые принялись чернить все подряд. Но ведь всегда жили и живут и в народе, и в партии могучие ленинские силы, в которых писатель находил и находит опору и поддержку.

Настоящие советские писатели всегда были с партией, всегда — порой в сложных, нелегких условиях — мужественно помогали ей отстаивать и защищать в литературе все здоровое, свежее, народное. Никак нельзя согласиться с теми, кто, кроме извращений, ничего не хотел бы видеть в нашем недалеком прошлом.

Опубликование выступлений Н. С. Хрущева — важное событие. Родной волнующий голос партии слышим мы в этих выступлениях, которые станут для нас, советских литераторов, действительной творческой программой в служении своему народу.

Ольга ГОНЧАР

УВЕРЕННОСТЬ

КОГДА писателя именуют верным помощником Коммунистической партии, это по многому объясняет. Такое звание имеет право носить тот, для кого решения партии — руководство к действию, для которого творческое горение подчинено единой цели — быть нужным народу.

Не секрет, что иногда у нас, под крышей Московского дома литераторов, юный, а иной и не юный «любимец муз» увенчивается громкими эпитетами — «талантливый», «самобытный», в то время как за пределами нашего шумного дома почти никто не знает о существовании этого «светила». Предложу такому выступить перед почитателями цели или, предположим, среди шахтеров Мосбасса, и — нет поэта: стихи не доходят, робость одолевает. Спрашивается: а где, как не на людях, проявить нужные твои творения или нет? Для сегодняшнего поэта мало довольствоваться теплой ласковой рецензией критика-домоседа и носить эту похвалу, словно охранную грамоту.

Я люблю деловую обстановку выездных редакций на посевных и уборочных кампаниях, шум и гром новострок, где простые люди после трудного рабочего дня слушают твои стихи и тут же выносят им свою беспристрастную оценку. Новизна встречи с реальными героями нашего времени, передний край труда, свежий ветер общения с неизвестными — вот стихия, где шире дышитесь, дальше смотрится и

Торжество ленинских принципов

КОГДА я прочел изложение недавних выступлений тов. Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства, мне живо вспомнились напряженные дни III пленума правления Союза писателей СССР — дни, в которые вся писательская общественность честной и без колебаний, могучим единым фронтом подтвердила свою верность идеям марксизма-ленинизма, верность руководству Коммунистической партии, видя в ней коллективный вождь родной страны, уверенно ведущего советский народ от победы к победе. Правда, кое-кто из писателей тогда с этим не был согласен. Их ложные представления о роли и месте литераторов в общественной жизни страны политически были разбиты наголову. Одниочки-отщепенцы, как и полагается, потерпели идейное поражение. Восторжествовала неотразимая сила ленинского принципа партийности литературы. Иначе, собственно говоря, оно и быть не могло: правду жизни, требования

Ольга ГОНЧАР

жизни невозможно подменить пустыми «теоретиками». Возможно, кто-то и где-то снопов сейчас кричит: «Ах, не давайте писателям самостоятельно разбираться, где право, где лево! Опять им показывают — куда идти!»

Что на это можно ответить? — Кричите, вопите — дело ваше. А мы пойдем вместе с партией, вместе с народом, будем вместе думать, вместе работать. Мы будем только благодарны партии, если нам, писателям, она, умудренная опытом, поможет разобраться в сложных задачах, стоящих перед народом. И мы верим, что партия от имени всего народа всегда скажет и писателям спасибо, если они силой своих талантов будут не разрабатывать, не растлевать души советских людей, а наполняя их светом, верой в правоту наших идей, неуемной жаждой борьбы за дело коммунизма и победы.

Нет никаких сомнений в том, что наша литература выполнит свое священное обязательство, — она была и будет верным помощником Коммунистической партии в строительстве коммунистического общества.

Сергей СМЕРНОВ

Вместе с партией

ВЫСКАЗЫВАНИЯ Н. С. Хрущева о литературе, о ее связи с жизнью — это, несомненно, программный документ партии. Покажите документ, как она есть, — в ее движении, в борьбе, во всем ее богатстве, в подчас причудливом, непредсказуемом ни в одной книге перелетении действующих сил, — таков наказ нам, писателям. Какова же основа, какова точка опоры творческой смелости писателя? Эта основа — его посылка. Идти всегда и во всем вместе с партией, великой революционной партией коммунизма, ощущать себя частью Советской власти, носителем власти — вот главное. Ничто не должно сбить советского писателя с этой позиции. Надо постоянно обновлять, постоянно воспрянуть в себе это ощущение причастности к принадлежности к нашей власти, к партии, надо уметь и выразить

Сергей САРТАКОВ
КРАСНОЯРСК

Вместе с партией

его в произведениях. Уметь! Ставить, это есть творческая задача, которая не терпит беззащитности, а требует от писателя напряжения его фантазии, его мысли. Было бы недостойным, если бы один из инцидентов и членов редколлегии альманаха «Литературная Москва», отделился молчаливо от той критики, которая прозвучала по нашему адресу в выступлениях Н. С. Хрущева. Других членов редколлегии, если скажу, что эта справедливая критика не заставила опустить руки, а, наоборот, воодушевила, признала к работе. Не сомневаюсь, — мы докажем делом, что редколлегия альманаха «Литературная Москва» умеет слушать голос партии, быть верной ее делу, великому делу Ленина.

Александр БЕК

Пафос жизни

ОПУБЛИКОВАННОЕ в печати сокращенное изложение выступлений тов. Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства — это сокращенное изложение проблемы развития искусства и будет еще долго служить предметом глубокого изучения и раздумий художников.

Сейчас хочется подчеркнуть главное: это настоящий призыв партии к неизмеримо более тесной связи искусства с живой жизнью.

Тов. Н. С. Хрущев рассматривает задачи искусства в широкой политической связи, развертывая перед художниками конкретные перспективы дальнейшего подъема материального благосостояния всего народа, роста социалистической культуры; и художники, критики, теоретики искусства должны уметь органически связывать все художественные проблемы с живой действительностью. Пафос жизни, пафос великой борьбы за счастье всех людей труда должен с новой силой одухотворить наше искусство!

Важнейший вывод для творческих союзов и в первую очередь для Союза писателей заключается в необходимости перестроить всю свою работу так, чтобы вся она, во всех ее сторонах, вся, служила укрепленному связи художников с реальной действительностью, конкретно помогала им в решении их главной задачи. А главная задача художников — это уметь видеть человека, новое в человеческих взаимоотношениях, в душевной жизни советских людей, возникающее в результате новых процессов развития, социалистического преобразования действительности. И тут, думается, своевременно вспомнить и о горьковском опыте сплочения литераторов вокруг таких начинаний, как, например, сборники, посвященные людям двух пятилеток. В подобных начинаниях для Горького прежде всего было важно именно совместное, дружное художественное освоение действительности писателями как материал для их индивидуального творчества. В процессе такого изучения действительности должны обсуждаться новые темы, новые явления жизни с точки зрения человеческого, как определил Горький сущность художественной литературы.

Необходимо серьезное расширение политического кругозора художников, необходима идеологическая ясность, борьба со всеми искажениями марксизма-ленинизма, социалистического реализма, потому что без такой борьбы невозможно всестороннее, правильное отражение действительности. Углубление связи искусства с жизнью и борьба за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения — две стороны одного целого, их нельзя отрывать друг от друга.

Первостепенное теоретическое значение имеет положение, высказанное в выступлениях тов. Н. С. Хрущева о недопустимости отрыва друг от друга таких принципов искусства социалистического реализма, как принцип партийности и принцип народности. Ленинская партийность есть высшая народность. Ленинская партийность, крепкая связь с жизнью помогут советским художникам решить их трудные и величественные задачи.

В. ЕРМИЛОВ

Пребывание в Казахстане писателей Непала

Четыре дня гостил в Казахстане находящийся в Советском Союзе по приглашению Союза писателей СССР группа писателей Непала. Гости ознакомились с достопримечательностями столичных республик, побывали в Москве, в Ленинграде, Талды-Курганской области. 29 августа в Союзе писателей Казахстана в честь иезультатов друзей состоялся прием. Внезапно гости отбыли в Ташкент.

Оправдаем высокое доверие

Я ПРИСУТСТВОВАЛ на совещании писателей в ЦК и на приеме 19 мая. Выступления Н. С. Хрущева еще очень свежи в моей памяти. Они и тогда произвели на меня большое впечатление своей прямой, содержательностью, ясностью мысли. Но сейчас, собранные воедино и напечатанные, они поразили меня еще больше. Уже один тот факт, что сама партия в лице первого секретаря ЦК по целому ряду важнейших общественных, политических и государственных вопросов обращается непосредственно к нам, работникам литературы и искусства, с одной стороны, как бы поднимает всю советскую литературу и искусство на громадную высоту, а с другой — налагает на нас, его деятелей, не менее громадную моральную ответственность перед народом и партией.

Почему партия так много уделяет внимания вопросам литературы и искусства? На это Никита Сергеевич Хрущев дает ясный, исчерпывающий ответ: «Потому, что литературе и искусству принадлежит исключительно важная роль в идеологи-

ческой работе нашей партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся... Коммунистическая партия считает деятелей литературы и искусства своими верными друзьями, помощниками, надежной опорой в идеологической борьбе».

Эти чудесные слова, слова, идущие от самого сердца партии, дорого стоят! Мы их никогда не забудем. Они всегда будут вдохновлять нас на новые творческие достижения во славу партии и народа.

Партийность в художественном творчестве, говорит тов. Хрущев, определяется не формальной принадлежностью художника к партии, а его убеждениями, его идейной позицией.

И мы все полностью готовы подписаться под следующими словами тов. Хрущева: «В современном мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной, и в этой борьбе не может быть нейтральных». — Надо трезво смотреть на вещи, — говорит далее Никита Сергеевич Хрущев, — отдавать себе отчет в том, что враги существуют и они пытаются использовать идеологический фронт для ослабления сил социа-

лизма. В этой обстановке наше идейное оружие должно быть в исправности и действовать безотказно.

Этого никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя забывать. Сокращенное изложение выступлений тов. Хрущева называется «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Прекрасное название! Но мне кажется, что круг вопросов, затронутых Н. С. Хрущевым, гораздо шире названия.

Ведь самую задушевую, самую дружескую и по-дружески требовательную, прямую, открытую беседу с представителями советской интеллигенции, тов. Хрущев поднимает множество вопросов гигантского принципиального значения. Перечислять их — значит повторить все, им сказанное. Можно сказать одно: выступления тов. Хрущева в полном смысле слова являются эталоном единства партии и народа, а также в вопросе неизбежного, нерасторжимого единства партии и народа со своим искусством и литературой.

Что греха таить, — за последние время в среде художественной интеллигенции наблюдались

Валентин КАТАЕВ

СЕРЕБРЯНЫЙ реактивный лайнер заканчивает полет, приземляется на аэродром и становится в ряд с та...

Они улыбаются: — Нет, конечно! Идет обычная подготовка обычного корабля и экипажа к рейсу.

Вспоминаются полеты наших советских летчиков в США: в 1929 г. на самолете «АНТ-4» — «Страна Советов» в Нью-Йорк летел С. Шестаков. Ровно двадцать лет назад в Америку через Северный полюс летели на самолетах «АНТ-25» В. Чалов и М. Громов.

Маршрут предстоящего ныне полета так же сложен, как и прежде. Но в путь отправлены уже новые машины.

Опытные летчики и штурманы пассажирских линий, которым предстоит вести самолет, имеют уже на руках график полета, карты и все необходимые данные.

Скоро будет проведена «генеральная репетиция»: состоится пробный технический рейс из Москвы в Нью-Йорк — своеобразная разведка маршрута.

Трасса предстоящего полета делится как бы на четыре этапа: достигнув Лондона, самолет совершит первую посадку. Дальше линия полета резко поворачивает на север, к столице Исландии — Рейкьявику. Этот отрезок пути, как и

последующий до города Гандер, расположенного на северо-востоке острова Ньюфаундленд, будет, как предполагают авиаторы, наиболее трудным, так как предстоит лететь над Атлантическим океаном. В Гандере к нашим штурманам присоединятся их американские коллеги: они будут прокладывать курс до конечного пункта маршрута — Нью-Йорка.

Путь от Москвы до Нью-Йорка (около 9 тысяч км) «Ту-104» должен пройти, предположительно за тридцать часов, на высоте 10—11 километров. Можно напомнить, что экипажи В. Чалова и М. Громова летели до Америки более 60 часов, причем скорость их машин равнялась 140—180 километрам в час. То были «АНТ-25», получившие название «рекордная дальность». Теперь летит реактивный пассажирский самолет конструкции лауреата Ленинской премии А. Туполева «Ту-104», развивающий скорость до тысячи километров в час.

Прибытие в Нью-Йорк советских реактивных пассажирских самолетов вызывает большой интерес в Соединенных Штатах Америки. Это и понятно: в США еще нет в нормальной эксплуатации ни летящих реактивных пассажирских самолетов. Американская пресса признает, что русские реактивные пассажирские самолеты являются сейчас «предметом зависти западной гражданской авиации».

— Пожалуй, нам придется извиниться перед американскими коллегами за то, что мы покажем им не «новинку сезона», а только «Ту-104», — шутит один из летчиков, — хотя у нас есть теперь пассажирские самолеты поновее, например, «Россия», «Украина», «Москва». Турбинный корабль «Россия», имея на борту 170 пассажиро-туристов, сможет без посадки пролететь из Москвы до берегов Америки.

О. ОПАРНИ

СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ

ВЗГЛЯНИТЕ на этот снимок. Он сделан в момент встречи двух женщин, никогда раньше не видевших друг друга.

Начало этой истории подробно рассказал мне заслуженный деятель искусств РСФСР Павел Павлович Вирский. Весною 1955 года, во время празднования десятилетия со дня освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков, туда был приглашен Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии.

В числе других городов он побывал и в городе Пардубице. Когда закончился концерт, на сцену вбежала какая-то девушка и вручила П. Вирскому письмо.

В нем рассказывалось о том, что в Пардубице, предместье Пардубице, похоронен советский солдат, участвовавший в боях за освобождение этого города. Доставленный в местную больницу с поля боя в тяжелом состоянии, он умер 3 мая 1945 года. Чехам удалось установить лишь то, что родился он в 1900 году где-то под Киевом и воевал с первых дней войны. На могиле солдата воздвигли красивый памятник. Возле него часто можно видеть старую чешскую женщину. Она приносит цветы, аккуратно раскладывает их у подножия памятника и подолгу стоит здесь...

Это солдатская мать Мария Блажкова, сын которой был воином Чехословацкой армии и похоронен рядом с Тихоном Вожденко.

Кроме Марии Блажковой, за могилу советского солдата ухаживают пардубицкие пионеры. Местный комитет Общества чехословацко-советской дружбы дважды в году устраивает в памятник поминальные торжества. В такие дни сюда приходит много жителей города, у могилы выстраивается почтенный караул бойцов.

Возвратившись домой, Павел Павлович связался с Киевским адресным бюро, сотрудником которого энергично принялся за розыски. Спустя несколько дней стало известно, что семья Тихона Вожденко живет в селе Болотня, Ивановского района. Тогда-то и завязалась переписка между земляками солдата и их чехословацкими друзьями, между Марией Блажковой и Марией Вожденко.

Поздно вечером поезд Чоп—Москва подошел к киевскому перону. Марию Блажкову окружили и обняли знакомые ей люди, которых она знала лишь по переписке.

Ночью мы приехали в Ивановку, но там никто не спал. Мы остановились у дома Марии Сидоровны Вожденко, и тут произошла встреча этих двух женщин, запечатленная фотокорреспондентом. На следующее утро в районном центре, а потом в селе Болотня состоялась митинг. Много хороших слов было сказано о Тихоне Вожденко, отдавшем свою жизнь за освобождение Чехословакии, о благодарности простых людей Чехословакии, не забывавших воинско-освободителей; о нерушимой дружбе между нашими народами.

Марию Блажкову в автобусе привели, оказавшись ей жителями Ивановки, почетным гражданином которого она является. — Не благодарите меня, — возмущалась, говорила она. — Я сделала то, что является священным долгом каждого человека, которому ваш народ принес освобождение. Мы любим вашу великую страну, мы дружны и близки. И особенно почувствовала я это, когда услышала ваши речи, увидела ваши глаза. И о вас, о нашей встрече я буду говорить не только у себя в Пардубице, а буду выступать в Праге, расскажу многим в Чехословакии.

К. ГРИГОРЬЕВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

ИВАНКОВО — КИЕВ

Недовлюбленность

САМЫЕ правильные слова о любви не могут заменить самой любви.

Впрочем, разве можно признать правильными такие жестокие слова?

«Я вас люблю. В принципе. Но ввиду крайней переруганности должен свести число наших встреч к минимуму. Точная цифра будет определена согласно поступившим заявкам и запроколированной на комиссию по встречам».

Она, девушка, будет права, если приложит к протоколу особое мнение. Констатирует у него, юности, наличие недовлюбленности и уйдет на свидание к другому.

Увы, никакая она, девушка, не уйдет. Он, хозяин положения, знает это, пользуется.

Говорят, что на стороне девушки симпатии читателей. Но мало ли что говорят. Нельзя ссылаться на непроверенные эмоции.

Попробуйте спросить жестокого: любит ли он ее?

В ответ вы услышите все правильные слова. Она хорошая. Она, по выражению М. Горького, «корячится ум и сердце чувством любви».

Да, конечно, он, Главкинторг, ее, kinetic, любит.

Но вот что происходит в комиссиях по встречам. Эти комиссии еще называют согласительными или тиражно-калькуляционными.

На тиралькомах согласовывают тиражи выходящих в свет книг.

На тиралькомах издатели просят, Главкинторг решает. За ним последнее слово. Издатели обязаны в конце концов согласиться. По видимому, отсюда и название комиссии — «согласительная».

КОМИССИЯ работает беспощадно. Пусть издатель предлагает сохранить очерку о жизни и творчестве Мусы Джалиля запланированный тираж 75.000. Есть мотивы... Решение: в мотивы не вникать. 30.000.

Сборник «Макаренко о литературе». Простят 85.000. Пусть читают собрание сочинений. Дать 20.000.

«Теория стиха». Простят 20.000. Утверждают, что раскупят один из них, куда их гонят? Точной цифры не знаете? То-то. Хватит 10.000.

На «Вопросы теории сатиры» запланировано 10.000. И без теории много хлопот от разных фельетонов. Дать 5.000. Обойдутся.

Стихи Я. Смелякова. Простят 25.000. Многовато. Стихи надо резать. Десять.

Стихи Р. Гамзатов. По плану — 10.000. Стихи — это бич. Пять.

Стихи В. Берестова, В. Кокляева. Первые книги. Не можем рисковать. Пять тысяч каждому. Стихи С. Гузенко издалась, распродала, но ведь это стихи? Режем до пяти.

На стихи Шамшьева сами просят всего 5.000? Значит, сами дальше. Шамшиев — это не Шипачев. 3.000. Кстати, Шипачева увеличте. Мы за любовь. Как это у него? «Что на свете прелестнее? Прелестнее это любовь». Это не его строки? Тем более — увеличте.

ИЗДАТЕЛИ беззащитны. Ни «Советский писатель», ни Гослитиздат понятия не имеют, что делается в магазинах и библиотеках, уклоняются от обязанности пропагандировать свои издания. Никаких данных о читательском спросе в распоряжении издателей нет. А в коммерческих, денежных делах эмоции и слухи — не аргумент. Главкинторг на слово не верит. Он знает свое дело.

Пусть издатели напоминают, что предлагаемые ими цифры взяты не откуда-нибудь, а из плана, утвержденного Главиздатом и Министрством культуры. Что из этого? У каждого глава своя план. Напрасны их мольбы и слезы, не им платить придется пеню.

Пусть издатели непростят заovers: книга пойдает.

Киниторговым (точнее говоря — киниторговым) столь же непростанно возражать: ляжет. Зависим тираж — книга ляжет на склад.

Пойдет или ляжет? Кто это может, знает? Как сказал поэт, интуиция — мать информации. И Главкинторг систематически режет тиражи поэтических, критических, литературоведческих книг. Все происходит на законных основаниях. Вот в каком разрезе:

Тематические планы издательства рассылаются в облигатории, откуда в магазины. Директора магазинов по собственному разумению закупают бланк заказа. Книга новая, выходит впервые, о ней ничего толком не известно. Заказывайсе, а вдруг она будет держаться в продаже целый три с половиной месяца? Ведь есть нормы киниторговедов. Если за предписанным обфитопделом 93 дня книга не исчезнет с прилавка, она будет именоваться

сверхнормативным остатком. Из-за этого «неудача» «Теория стиха» может лишиться кредита. Книг почему-то выходят все больше и больше, а полки магазинов не резиновые. Книжных складов мало, и у них тоже определенная емкость. Как выражаются хозяйственники, — столько-то тонн одновременного оседания.

Если директор магазина, озабоченный проблемой одновременного оседания, систематически зачеркивает разделы поэзии и критики, — за бескультурье, за нежелание всеосторонне удовлетворить потребности читателя от киниторго не влетит. Жесткой юности далеко не так всемогущ, как это могло показаться. Главкинторг не имеет права посылать на места книгу, не заказанную магазином.

Хорошо, что в киниторгове нет называния неходовых изданий. Но плохо, что судьба книги, ее тираж определяют лишь интуитивнокассовые соображения звагма.

РЕЗУЛЬТАТ получается нелепый. Сборник статей критика А.н. Тарасенкова назывался «Поэты». Главкинторг, привычно отреагировав на слово «поэты», рекунул тираж вдвое. К удивлению звагма, десятилетний тираж разошелся в несколько дней.

Если же книга озвучивается более звагмательно, например «Мраморный бюст», вот тогда директора магазинов наперевы шлют звагма. Главкинторг просит увеличить «Бюст» втрое, до 90.000. Бюст объективнее: «Бюст» тоже не залеживается. Это, как выражаются хозяйственники, товар неограниченногоспроса.

Легкая книга тем и отличается от серьезной, что продавать ее — дело нехитрое, бесполопное. На роман отнюдь не прогрессивного писателя конца XIX века Д. Мордовцева «Знамена времени» тираж устанавливается в 150.000, а на статьи Г. В. Плеханова о литературе и искусстве — уменьшаетсе до 15.000. Так можно свести к нулю воспитательную роль литературы.

Неужели для того, чтобы Главкинторг полюбил книгу критических статей, необходимо дать ей игривое, хотя порой и не лишнее резонное название «Ниже пояса»?

Тогда «Вопросы теории сатиры» придется переименовать в «Утробный смех». В этом заглавии есть что-то интимное, зовущее.

Неужели книге «Теория стиха» необходимо подзаголовоч «Тайны Парнас»?

Нет ли другого выхода?

НЕ ПОРА ЛИ признать, что тиражи новых, никем не читанных книг попросту нелепо определять по заявкам киниторго, поалаваемым до выхода книги в свет.

Новые произведения можно выпускать и небольшими тиражами. Пусть это будут 10 или даже 5 тысяч. Но надо иметь возможность в течение, скажем, года без всяких перерывов постепенно дотпечатывать книгу соответственно спросу до тиража в 50 или 75 тысяч.

Может случиться так, что ес книгу, полюбил читатель. Не к лицу Главкинторгу ренновать, заранее ограничивая число встреч. Лучше бы ему радоваться и приговаривать: «Совет да любовь».

Пока что Главкинторг повторяет скучные слова насчет того, что он не нарушает, а выполняет.

Что ж, мы тоже знаем разные скучные слова. Бюрократизм, не в обиду будь сказано, обычно в том и состоит. Уверенно выполняется нечто устаревшее, вместо того что бы, опираясь на здравый смысл, на потребности дела, своевременно предложить нечто новое. На днях Главкинторг переименовал во Всеосозное объединение книжной торговли. Надеемся, что переменной ввесок дело не ограничится.

Чувство — оно должно как-то проявляться. Иначе не поймешь, что получается. Верная любовь или дурной, неправильный расчет?

Собрание литераторов Чечено-Ингушской АССР

НА ДНЯХ в грозном сесторонном собрании писателей Чечено-Ингушской АССР. С докладом о задачах строительства Союза писателей республик С. Арсанов.

Участники сессии А. Вадина, Д.н. Янгов, М. Маманов, Д. Малисавов, М. Сулаев и другие наметили, что нужно сделать для дальнейшего развития литературной жизни в Чечено-Ингушетии. Выступавшие много говорили об отставании республиканских издательств, требовали, чтобы республиканское книгоиздательство увеличило выпуск книг на чеченском и ингушском языках.

Создан Оргкомитет Союза писателей РСФСР

29 АВГУСТА состоялось расширенное заседание президиума правления Союза писателей СССР, обсудившее вопрос о создании Союза писателей Российской Федерации.

Сообщение об организации Союза писателей РСФСР сделал В. Смирнов. Выступившие затем Н. Зарьян, В. Ситин, Б. Лавренко, С. Смирнов, С. Сергеев, Н. Бажан, А. Софронов, Н. Чуковский, Е. Пермитин, В. Кожеников, Г. Николаев, Н. Грибачев, К. Симонен единогласно высказались за создание писательской организации Российской Федерации и говорили о тех больших задачах, которые стоят перед ней.

Литераторы Советской Украины считают, что вопрос об организации Союза писателей РСФСР давно назрел, — заявил Н. Бажан. — Создана такая организация поможет, с одной стороны, улучшить творческую работу писателей автономных республик, краев и областей РСФСР, а с другой — даст возможность Союзу писателей СССР уделять больше внимания литературе братских республик и тем самым устранить один из существенных недостатков в своей работе.

В целях объединения писательских сил Российской Федерации и создания необходимых условий для усиления творческой работы писателей в автономных республиках, краях и областях президиум Союза писателей РСФСР принял необходимым создать Союз писателей РСФСР.

Учредительный съезд Союза писателей РСФСР решено провести во втором полугодии 1958 года.

Для проведения подготовительной работы по объединению писателей Российской Федерации в творческий Союз писателей РСФСР образован оргкомитет Союза писателей РСФСР в составе: Л. Соболев — председатель, Г. Марков — первый заместитель председателя, М. Агашина (Сталинград), П. Антокольский (Москва), С. Бабайский (Ставрополь), Н. Балдан (Бурят-Монгольская АССР), Г. Башуров (Татарская АССР), Г. Боровиков (Саратов), А. Буталин (Удмуртская АССР), С. Вишне-

ЖИЗНЬ ТРЕБУЕТ

В. ЛЮБИМОВА

НАЧИНАЕТСЯ новый учебный год.

Что характерно для его начала? На какой новый этап поднимается советская школа в новом учебном году? Какие тревоги и трудности она преодолевает и какие ей нужно еще преодолеть?

Эти и многие другие вопросы, каждый год перед началом сентября волнующие советский народ, встают сегодня с особой силой.

Только по Российской Федерации в нынешнем году десятки классов окончили свыше 600 тысяч человек. Молодой человек — юноша и девушка — хочет вместе с аттестатом зрелости получить трудовые навыки, может быть, специальность. Этого требуют сами юноши и девушки, этого требуют их родители и вся страна с ее огромным размахом строительства, с ее мощной индустрией, высокой техникой, интенсивно растущим сельским хозяйством.

Школа задержалась с ответом на эти требования. Жизнь ломала рамки отмеренных канонов школьных программ, а громадный школьный организм медленно и робко поворачивался к новому.

И вот намечался перелом. Подул свежий ветер. Добрые вести поступают с разных концов страны о школах, в которых появились и окрепли ростки нового, где прокладывает себе путь педагогическое новаторство. Есть серьезные основания предполагать, что начинающийся новый учебный год гораздо более энергично поведет нашу школу к решению ее главной задачи: широкому осуществлению ленинского принципа — соединения обучения с производственным трудом.

В прошлом учебном году в пятистах школах РСФСР был введен новый учебный план, предусматривающий увеличение часов на производственное обучение и практику. Некоторые из этих школ не располагали нужной материальной базой, в иных, как сказано в приказе министра, к преподаванию курса основ производства были допущены лица, не владеющие данным предметом и методикой его преподавания; мало учитывались иногда местные условия и возможности; были случаи, когда учащиеся на производственной практике присутствовали только в качестве наблюдателей. Много было и других недостатков. И все-таки опыт пятисот школ дал ценные результаты.

В новом учебном году четверть всех средних школ РСФСР будет работать по новому учебному плану, по новой программе. В добрый час!

Жизнь заставила работников органов просвещения и школ искать формы соединения обучения с производственным трудом. В каждом городе, области, районе и зачастую в каждой школе это происходит по-своему. Характерно, что многие школы не стали дожидаться, когда их включат в то заповедное число, которому дано работать по новому учебному плану. Эти передовые школы по своей инициативе вырабатывали свои программы производственного обучения и довольно успешно с нею справлялись. Так, например, в Москве по новому учебному плану в прошлом году должны были работать пятнадцать школ, а работало около трехсот. Внутренний ответ на требование жизни!

ЛЮБИМОВЫН и во многом поучителен опыт 667-й московской школы. Эта школа некогда «грелась» как одна из лучших в городе. Здесь постоянно работали комиссия, производилась обследования, выносились постановления. В нынешнем году она заняла первое место в районе по успеваемости.

Эта метаморфоза — результат настойчивой, вдумчивой работы всего коллектива, результат трудового воспитания учащихся. Директор школы Владимир Петрович Следнев с увлечением рассказывает, как эта школа, не принятая Государственной комиссией в качестве новостройки из-за серьезных недостатков и, вопреки этому, все же открытая в 1944 году, обстраивалась руками ребят. На месте болота, щебня и шлака, окружавших здание школы, возникли спортивно-

поярда непрерывно работали на производстве. Это — трудное совмещение. Было бы легкомыслием утверждать, что обучение производству способствует общей успеваемости. В одних случаях способствует, в других — нет. Вот повод — в который раз! — задуматься и ученому, и педагогу о путях такого совмещения и об умении раскрыть в школьнике его индивидуальность, его склонности и способности.

В 667-й школе задулись над тем, как расширить базу производственного обучения учащихся. Рядом со школой строится большой жилой дом для рабочих и служащих соседнего завода. Строительная практика! Но, чтобы реализовать такую и смелую мысль, нужно было многое преодолеть и в сознании самих учащихся, и особенно их родителей. На собраниях многие из них — сами рабочие — встали «на дыбы»: не хочу, чтобы моя дочь или мой сын были малярами!

Но в стране — огромное строительство. И в Москве по грандиозному строительному плану нужны свои, московские строители. Двести учащихся из восьмых и девятых классов пришли на строительную площадку. Они начали с уборки ее и самого объекта строительства. Ежедневно каждый класс раз в неделю отработав по четыре часа, строители почувствовали ощущение помощи школьникам-практикантам. За работу на строительстве школа получила 7.000 рублей. Когда по окончании учебного года начались туристические походы, двенадцать классов получили по 500 рублей из своих заработанных денег. Ребята ходили на озеро Селггер, в Звенигород, путешествовали по Подмосковью.

Вместе с радостью новых впечатлений, с возросшей дружбой они испытывали чувство удовлетворения. — На свои заработанные деньги купили вещи, необходимые для туристического похода. Ох, как много значит это чувство для пятнадцатилетнего и шестнадцатилетнего человека!

В результате строительной практики нынешним летом часть школьников по своей инициативе стала работать на строительстве того дома, где они проходили практику.

Начинается учебный год. Практиканты-строители из школы вернутся к своему строительному объекту. Их там ждут. Теперь им поручат более сложные отделочные работы — малярные, кровельные, столярные. Каждый из двухсот школьников получит квалификацию настоящего строительного рабочего. Будут ли все эти двести молодых людей строителями? Вряд ли. Но многие будут. А другим это очень пригодится в жизни.

Есть в этой школе и третий вид производственного обучения — сельскохозяйственная практика. Второе лето ездят восьмиклассники со своими учителями на двухнедельные работы в колхоз «Верный путь» Звенигородского района.

Считать, что 667-я московская школа — одна из самых лучших, что она является неким эталоном и примером для слепого подражания при проведении производственного обучения, было бы, конечно, неправильным. Но опыт ее заслуживает внимания.

В ДРУГИХ школах, где уровень в большей или меньшей степени наладить производственное обучение и практику старшеклассников, это приняло иные формы. В Ростовской области добились хороших результатов в сельскохозяйственной практике. 150 учащихся Самарского района научились водить трактор, десятки из них стали штурманскими. В сельских районах области широко распространение получили ученические производственные бригады.

Дружно и интересно живут 80 учащихся Егорлыкской средней школы в полевом стане. Все в этом стане сделано руками ребят: они разбили палатки, поставили кроватки, соорудили столовую, площадки для спортивных игр, провели электричество. В результате производственной практики, проведенной школами Ростовской области, многие выпускники в нынешнем году, получив аттестат зрелости, остались работать в своих колхозах. И

Новые стихи КИРПИЧ ИЗ ДОМА ПАВЛОВА

Была в Сталинграде тот кирпич отрыв
И привнес из города-героя
Для Белоруссии, родной сестры,
Горячего строительного порою.
Сердцем у всех стучался в тишине,
Когда посланец Волги, знатный мастер,
Кирпич простой замуравил в стене,
Чтоб ободили этот дом ненастья.
Замолк на миг шумливый город мой,
И солнце засветило ярко, жарко,
Когда соединились над стеной
Рука с рукой, как друзья вечной арки.
Давно уж заселен высокий дом.
Когда свободен я иль погружен в раздумья,
Весной и осенью, и вечером, и днем,
Как к другу, к дому этому иду я.
Гудки того, кто нужен им, зовут,
В окне горит пожар, зарей зажженный,
Выходит из квартиры рабочий люд,
В заботы трудовые погруженный.

Поздней — других людей здесь чинный ряд,
Автомашинный тормозят с разгона...
Живет наш дом!
И я от сердца рад
Его труду, веселью, песне, звону.
Моя смешная ревность начену,
Должны здесь жить все люди безупречно:
Я помню, как на волжском берегу
Дом Павлова врагом был изурочен...
И я хочу, чтоб помнили они,
За что бы ни пришлось им в жизни браться,
Далекий гул и близкий гул войны,
Покинув гудки, выключив в Сталинграде,
Я надписи золотую бы прибил,
Чтоб здесь не обиденно дышали,
Я детям бы все уши протрубил,
Какой кирпич в стене замуравил.
Звени, мой стих, напоминая о том
И в ясный день, и под дождем, под традом,
Чтоб берегли свой дом, свой светлый дом,
Как Павлов сберегал свой в Сталинграде.

Перевел с белорусского Всеволод ВАР

Виктор Виноградов

РАБОЧЕМУ ЕВРОПЫ

Мне потому теперь не спится,
Что где-то в дальних городах
Опять мелькают вражьи лица,
Как в тех, нам памятных, годах.
Сильны мощной заморских янчей,
Они известны нам сполна:
Их радость прошлая Майданек,
Их радость новая — война.
Их слово «дружба» жмет, как перец,
Их бизнес — экспорт клеветы...
Мой брат!
Рабочий-европеец!
А где же ты?
А что же ты?
Ведь было:
Молкнул вражий гам вдруг,
Темнел грозой горизонт,
Когда рычал рабочий Гамбург
Сквозь зубы скляные:
— Рот фронт!

И вечно светят скляные пожары,
Смертно и тленью вопреки,
«Но пасаран!» Гвадалахари,
Твое содружество, майки!

...Пока еще европеец
Не зарыдал от смерти,
И не гремат спящие танки
По черным трупам их детей,

Пока еще не меркнет солнце
От рева реактивных крыл
И на вершок смертельного

планету нашу не покрыл,
Чтоб светлый мир наш мог
трудиться

Во имя счастья и любви,
Останови его,
Останови!
Останови!

«Вопросы литературы»

Вышел в свет и рассылается подписчикам первый номер нового ежемесячного журнала «Вопросы литературы», посвященного проблемам теории и истории литературы, литературной критике. Цель журнала — помогать литературоведению и критике более успешно разрабатывать как наследие классической литературы, так и опыт советской литературы. Редакция считает своей главной задачей, как сказано в обращении к читателям, «активно бороться с буржуазными взглядами и влияниями в области изучения литературы, выступать против попыток опорочить марксистско-ленинскую эстетику, теорию литературы, критику».

Первый номер открывается статьей А. Караганова «Ленин и литературная сказка партийного дела». В разделе «Проблемы реализма» журнал продолжает обсуждение вопроса об историческом и теоретическом содержании понятия «реализм», которое велось до этого на страницах многих других изданий и привлекало внимание самых широких слоев нашей художественной интеллигенции. В разделе помещены статьи А. Исаенко «К вопросу о критическом реализме и реализме социалистическом», Н. Коира «Проблема реализма и литературы Востока», Д. Лихачева «У предстиков реализма русской литературы», В. Рензова «О литературных направлениях». В основу первых трех из них положены доклады, представленные на состоявшейся весной этого года дискуссии о реализме в мировой литературе.

В разделе «История литературы, литературная критика» печатаются статьи Д. Благого «Трагедия и ее разрешение», М. Богдановой «От фольклора к письменной литературе», А. Деметьева «Заметки о журнальной критике». В разделе «Материалы и документы» публикуются переписки М. Горького с зарубежными литераторами, письма А. Зарубина к М. Горькому, материалы, раскрывающие работу А. Фадеева над рукописями своих статей. Номер закрывает обширный раздел «Рецензии и аннотации», хроника и сообщения о новых книгах по литературоведению и критике.

Выход в свет журнала «Вопросы литературы» — радостное событие нашей литературной жизни. Событие, что первый номер, помещенный апрелем, подписан к печати 28 июня, а читатели фактически получают его в сентябре. Нужно надеяться, что редакция и издательство в ближайшее время ликвидируют столь досадное опоздание.

М. ШКЕРИН

КНИГИ МОЛОДЫХ СВЕТЛАЯ ПОВЕСТЬ

ЛЮДИ, которым ныне за сорочку, любят вспоминать свой комсомольский возраст в укор комсомолу нынешнему. Вот, дескать, тогда — лет двадцать пять назад — в комсомоле было интересно, а теперь что... И называют плохие комсомольские организации и фамилии плохих комсомольцев, как будто в прежние времена не было ни тех, ни других.

Но вот появилась книга о нынешних комсомольцах. Читаю, и мне, комсомольцу двадцатых годов, делается завидно... Замечательные ребята и девчата — дружные, веселые, работящие.

Нет, речь идет не о школьной и не о студенческой молодежи. Вера Шербакова изобразила в своей повести комсомольцев одного московского завода наших дней: молодых работниц и рабочих. В центре повествования — комсомолки Вера, Сима, Тамара, Лиза, Ирина.

Первые три живут в заводском общежитии. Бедно, неприглядно живут. Поглядят же кто со стороны на их комнату, вздохнут бы и сказали: «Бедные, бедные, разне-частные!» А девушки страшно бы возмущались такой жалостью. Они не считают себя несчастными. Материальное благополучие у них впереди — ведь они только еще осваивают профессию. А взгляд на жизнь у них комсомольский: не унывать ни при каких обстоятельствах! Да ведь и приятно же, черт возьми, сознавать, что не за папиной спиной живешь, а собственным трудом, и труд не какой-нибудь, а квалифицированный, творческий — у интересных ставок, в дружном коллективе бригады.

Да хоть бы и эта компания в общежитии: так ли уж плохо она для начала самостоятельной жизни? И вот еще вопрос: какое счастье полней и дороже — то ли, что «достается» родителям, или то, что завоевывается собственным трудом? В ответе едва ли можно сомневаться. Дармовое не ценится, трудовое приносит радость и сверх того воспитывает в человеке высокие душевные качества.

Девушки-комсомолки, взорвавшие Верой Шербаковой, завоевывают счастье сами — постепенно, шаг за шагом, объединенными, дружными усилиями. От старших в наследство они получили социалистический строй жизни с его безграничными возможностями, и им остается лишь не лениться.

Выше я назвал по именам главных героинь повести. Но отличаются они одна от другой не только именами и биографиями, а и характерами.

Вера Шербакова. «Девушки». Повесть. Издательство «Молодая гвардия». 1957.

ШЕСТИДЕСЯТЫЙ СЕЗОН МХАТА

ПРЕДСТОЯЩИЙ сезон, который МХАТ открывает 7 сентября, для нашего коллектива особенно знаменателен. Художественный театр деятельно готовится к 40-летию Советской власти, стремясь отметить эту великую дату несколькими новыми постановками. Вместе с тем 27 октября МХАТ вступает в 60-ю годовщину своего существования и, таким образом, предстоящий год посвящает подготовке к своему юбилею.

В эти важные для жизни Художественного театра дни он, прежде всего, хотел бы утвердить в сознании зрителей мысль о неуязвимости молодости реалистического искусства МХАТ, о преемственности воспитанных им поколений, раскрытых в своих спектаклях подлинное новаторство развивающегося и движущегося вперед искусства социалистического реализма. Первейший долг реалистического театра состоит, как мне кажется, в том, чтобы наиболее полно, глубоко, сценически ярко и эмоцио-

Вот Вера Жданова. На улице такую и не заметишь, так она скромна и стеснительна. А уж заметишь — не оторвешься.

Красивые девушки у нас не в диковинку, да не всегда за красивой внешностью кроется красивый человек. Подруга Вера Тамара Комова очень красива, и олеварится всегда по моде, и каждый день с новой прической. Мимо такой не пройдешь, сразу в глаза бросается, а познакомившись с ней поближе, и делается тошно... Другое дело — Вера. Чем больше ее узнаешь, тем удивительнее делается ее красота. Это от того, что она освещается изнутри — светом дивных душевных богатств, заложенных коммунистическим воспитанием.

Мы восхищаемся ее добротой и самоотверженностью, завидуем ее настоящей, дивным ее терпению и с душевным трепетом наблюдаем за ее любовью. Сильная, красивая русская натура!

Характер Вери очень непосредственно раскрывается в конфликте с соблазнительной, расчетливой и бессердечной Тамарой.

Конфликт этот совершенно не похож на примелькавшиеся во многих произведениях о рабочем классе конфликты. В последние годы в литературе стало традицией: рабочий выступает в роли новатора, а директор или начальник цеха — в роли рутинера, глушителя рабочей инициативы. В повести Вери Шербаковой ничего подобного нет. Тут конфликт не служебный, хотя большей частью и развивается на производственном.

«Две девушки поступили на завод. Одна попросилась в цех, к станку, другая — в контору. Познакомившись в общежитии, стали подругами. Вскоре одна из них — Вера — пошла учиться в ремесленное училище при заводе, через два года окончила его и стала квалифицированной работницей; другая, Тамара, учиться не пошла».

«Два года! Очень-то надо!» — с презрением говорила она. — Я поучусь на курсах и догоню тебя».

И в самом деле: окончила краткосрочные курсы и тоже стала станочницей. Но работа ей не нравилась, и она все время думала о том, как бы «выбиться». И вот додумалась: пришла в комитет комсомола и предложила создать молодежную бригаду станочниц... В комитете образовались, поддержали, и Тамара стала бригадиром.

Станки она знала плохо, производственных навыков почти не имела, зато обладала умением нравиться. Красивую внешность Тамара использовала очень расчетливо: поманала за собой наивного паренка Колю Субботина, и тот считал для себя счастьем после смены настраи-

вать станки там а р и н о й бригады; поманала ниже-нера Белочкина, и тот «продвинул» Тамару в рационвал и з а-

торы с предложением, украденным у Вери...

И что бы Тамара ни делала, — все с користью. До интереса общества ей нет никакого дела. Урвать для себя побольше за счет других, не гнушаясь даже подлыми приемами.

Писательница верно подметила двуличие Тамары. На комсомольском собрании Тамару «прижали» острой критикой. Она сообразила: надо скорей признавать «ошибки», иначе не сдобровать. «Дадут мне слово, пообещают начать учиться». А когда поняла, что из комсомола ее не исключат, возликовала. «Слава богу, пронесло! Выговором от-делалась», — думала она и мысленно уже заглядывала в тот день, когда она войдет в доверие Никиты Степановича и при случае припомнит Варьке все».

Тамара противопоставит целый коллектив девушек и юношей — искренних, самоотверженных, жизнерадостных. Кроме Вери, особенно запоминаются Сима, Лизочка и Коля.

Озорватая, прямодушная Сима прелесть в своей непосредственности. Без таких веселых заводил не обходится ни один коллектив. И Симу по заслугам прозвали на «комсомольской даче» душой общества.

Есть в повести Вери Шербаковой сюжетный ход, полный глубокого идейного смысла: письмо комсомольцев в будущее...

«Кто-то вспомнил: при строительстве завода в одном месте откопаны кандалы. На молодежь рассказ прозвал сильное впечатление, а мастер сказал: — Вот дались вам эти кандалы! Не видел я их и видеть не хочу!»

«Как вы не понимаете? — заметила с неудовольствием Лизочка. — Не в кандалах именно дело, а просто интересно, что вот из далекого-далекого прошлого прислали предки нам свой горький поклон. А что, друзья, не послать ли и нам свой привет в будущее? — вдруг спросила она, поднимаясь над столом».

Так непроизвольно, естественно возникла идея послать письма в будущее.

«...Положить их в чугунную коробку, — продолжала Лизочка, — и закопать поглубже. Пусть при полном коммунизме откопает. Они, наверно, жалеть нас будут, счастья своего стыдиться. Жили тяжело, воевали, лишений много терпели, бедняги! А мы подписи поставим, печатать». Никита Степанович, заверите? — обратилась она к парторгу. — И жили тяжело, и воевали, а жалеть нас нечего. Счастьем и мы не обижены, да еще какими!»

И вот началось соревнование за право подписи под «Письмом в будущее».

Светлую, жизнерадостную повесть написала Вера Шербакова. Это особенно приятно отметить потому, что «Девушки» — первое ее произведение.

М. ШКЕРИН

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

НА СНИМКЕ: художник В. Ф. Рындин и народный артист СССР М. Н. Кадлово на монтажной репетиции новой постановки «Зимней сказки» Шекспира в МХАТе. Фото А. Горшайкина

в ближайшее время выйдут два спектакля — «Зимняя сказка» Шекспира и «Человек дьявола» Шоу. В дальнейшем мы намерены поставить «Винный сад» Чехова, «Братья Карамазовы» Достоевского (в инсценировке Б. Ливанова) и заново восстановить спектакль

ДА, Я ПОМНЮ ШАЛЯПИНА

С тех пор прошло более двадцати лет, но облик этого колоса все еще перед моими глазами: красивый, жизнерадостный, сильный. И необыкновенно талантливым. Да, да, необыкновенно! На своем веку я встречал немало выдающихся людей, великих и гениальных, но Федор Шаляпин возмущает над ними, как Монблан. В нем сочетались редкие качества большого, мудрого артиста — оперного и драматического. Не каждое столетие дает миру такого человека. Впервые я встретился с Шаляпиным много лет назад в городе Милане.

«Шарь Федор» А. К. Толстого. К постановке приняты также три современные записки пьесы: «Смерть комиссара» А. Миллера, «Лиса и виноград» Г. Фигейредо и «Опнтер смеется» А. Кронина. Чтобы облегчить любителям театра посещение премьер, вышущих специальный абонемент на новые постановки.

А. СОЛОДОВНИКОВ, директор МХАТа

Помню, шел «Севильский цирюльник». Шаляпин пел партию Дона Базилло, я — Альмавивы. Ария «Клеветы» была исполнена Шаляпиным с таким поразительным блеском, что весь театр заложил от аплодисментов. Это был настоящий гром, долго сотрясавший зал. В театре «Ла Скала» существовал и ныне существует абсолютный запрет всяческих «бис». Можно сколько угодно восхищаться певцом, можно аплодировать и забрасывать его цветами, но вызывать на «бис» невозможно. Такова традиция театра, и нарушать ее нельзя. Но в тот вечер эта традиция была нарушена — в первый и, вероятно, в последний раз. Мазстро, дирижировавший оперой, на свой риск пошел навстречу разбушевавшейся публике и разрешил Шаляпину повторить арию. Дирижер был наказан за свое самоуправство: на следующий же день он был уволен из театра, и это событие огорчило Федора Шаляпина. Он долго потом вспоминал об этом неприятном эпизоде. Вскоре после этой истории к нам обом, то есть в

ЗАКОНЧИЛОСЬ веселое пионерское лето. Скоро-скоро прозвучит школьный звонок, и миллионы ребят войдут в класс, начнут первый урок нового учебного года. Служат па и дети, живущие на недавно освоенных землях целины. Целина обжитая: здесь теперь не только грохочут тракторы, — по утрам веселый речет детских голосов несется из распахнутых окон новых и просторных школьных зданий... Участница Международной выставки изобразительного и прикладного искусства молодая художница Ирина Воробьева побывала на землях целины. В своей картине «Учительница» она просто и правдиво рассказала нам о школьных буднях молодого края, показала нам славную советскую девушку-учительницу, которая все силы, весь жар сердца отдает своему замечательному делу.

Добрых вам успехов в новом учебном году, будущие хозяева разбуженных и целинных земель! Больших и радостных вам удач, молодых педагогов!

В редакцию «Литературной газеты»

НА ПРОТЯЖЕНИИ короткого времени на страницах «Литературной газеты» дважды (в статье И. Крепеля и в отчете об обсуждении журнала «Москва») шла речь о моем рассказе «Пантелеев» и повести «Еще один день», опубликованных в 4-м и 6-м номерах журнала «Москва» за этот год. Не мне, автору, судить о собственных вещах — удался они или нет, что в них хорошо и что плохо. Это — дело читателей и критики.

Но и в статье И. Крепеля, и в особенности в отчете, опубликованном в газете 8 августа с. г., сделана попытка извратить само содержание моих вещей. Выступавший на обсуждении журнала И. Стаднюк даже заявил: «У Симонова в рассказе «Пантелеев» и в повести «Еще один день» целая галерея идотов и трусов, носящих различные воинские звания». А редакция «Литературной газеты», напечатав это заявление без комментариев, по существу, присоединилась к нему.

Между тем это утверждение И. Стаднюка, мягко говоря, очень далеко от истины. На самом деле главные герои обеих моих вещей — Пантелеев (чьим именем не случайно назван весь рассказ), Левашов,

советская направляется в батальон, где, по слухам, не все благополучно. В батальоне та же картина. На километре (1) километрах от линии фронта Пантелеев застает начальника штаба — растерянного, в полной прострации. И далее следует авторская ремарка:

«Пантелеев глубоко вздохнул... Он уже понял, что дело не просто в бескомандном начальнике штаба батальона и его пропавшем командире, дело в том, что на сегодняшний день в дивизии генерала Кудинова сверху донизу не было порядка. Не было вчерашею самого Кудинова в бою под Сальковом, не было у командира полка Бабурова, не было порядка и здесь, в батальоне». Не оказалось его, как потом выяснилось, и в роте.

Но почему? В сравнительно спокойной боевой обстановке, — и вдруг такая безответственность командиров Советской Армии? Как могло случиться, что в одной дивизии оказались одни лишь трусливые командиры, трусливые «сверху донизу», которые «боятся донести о неудаче больше, чем самой неудаче, боятся ответственности за потери больше, чем самой потерей? Почему всем этим людям не хватает «самого обычного гражданского мужества»?

«Откуда в Красной Армии, в Красной, в Рабоче-Крестьянской...» — возмущенно восклицает автор. — «Задает себе такой же вопрос и дивизионный комиссар Пантелеев».

Допустим, что Бабуров смалодушничал потому, что когда-то был несправедливо осужден, присудил два года в тюрьме и там «раз и на все жизни испугался», испугался всего, в чем когда-нибудь и кому-нибудь вздумалось бы его обвинить. Испугавшись всякой ответственности, правильно или неправильно, все равно. Допустим, что так, хотя каждому трезвому человеку ясно, сколь сомнительны, произвольны и надуманны такого рода объяснения. Ну, а что же делать с остальными? Где искать причины их трусости? В рассказе нет ответа на этот вопрос.

Именно это и имел в виду Н. Асанов, когда говорил на обсуждении журнала «Москва»: «Отно-

Ефимов, Ковтун. В их лице я пытаюсь создать образы армейских большевиков, командиров и политработников, которые в тяжелейших условиях 1941 года уверенно ковали будущую нелегкую и недешевую нам стоншую победу. Именно об этих людях прежде всего и написаны и мой рассказ, и моя повесть. И нужно приложить много усилий, чтобы не заметить этого, не заметить центральных героев обоих произведений, сделать вид, что их просто нет».

Выведены ли у меня трусы, люди неадекватные своим воинским званиям? Да, такие люди были в жизни, из песни слова не выкинешь, есть они и в моих вещах. Осуждал я их или оправдывал? Осуждал самым неясным образом. Война по-настоящему разоблачала их, вскрывала их чужеродные мужественно-революционному духу Красной Армии, посетителям которого я в меру своих писательских способностей стремился представить и главных героев моей повести и моего рассказа, и многих других выведенных там действующих лиц.

Как человек, горячо любящий нашу армию и большую часть своей жизни проведший у людей этой ар-

мии, я не могу молча пройти мимо попытки искривить содержание моих вещей, мимо попытки скрыть — о чем и о ком в действительности они написаны.

Разумеется, в моей повести и рассказе могут быть и, наверное, есть те или иные слабости и недостатки. Наконец, эти вещи и в целом могут одним нравиться, а другим нет. Критическая дискуссия на эту тему на страницах «Литературной газеты» могла бы быть только полезна и автору этих вещей, и вообще писателям, работающим над большой и сложной темой Великой Отечественной войны.

К сожалению, «Литературная газета» пока что встала на другой путь — без сколько-нибудь серьезного и аргументированного разбора, тактика она поспешила вывести торопливый и безаппеляционный приговор, произвольно приняв при этом во внимание лишь односторонние и не всегда добросовестные показания.

Вот против этого я и возражаю и считаю себя вправе возразить эти возражения до сведения читателей «Литературной газеты».

Константин СИМОНОВ

сительно рассказа К. Симонова «Пантелеев», мне кажется, двух вещей быть не может. С одной — несколько резко сказавший об этом, совершенно прав. Что такое рассказ «Пантелеев»? Это попытка отписаться на необыкновенно трудную тему».

В повести «Еще один день» мы встречаемся со вторым вариантом Бабурова, на этот раз занимающего должность комиссара дивизии и носящего фамилию Бастрюков. Как и Бабуров, Бастрюков тоже был участником гражданской войны, только причиной быстрого его продвижения в офицерского звания и негодая явились наши неудачи на первых порах войны. Надо полагать, что все эти пороки в мелкой душе Бастрюкова зрели на протяжении многих лет и лишь на войне проявились так явно, но тогда этот процесс следовало бы проследить и глубже мотивировать. А вот этого-то как раз и не делает К. Симонов. Думая, читатель, как хочешь...

И нужно, действительно, «приложить много усилий», чтобы не заметить столь явных пороков рассказа «Пантелеев» и повести «Еще один день», как это делает их автор. А читатели и критики без особых трудов и быстро разглядели эти пороки.

И. Стаднюк, точку зрения которого К. Симонов считает несправедливой, был далеко не в одиночестве. К. Симонов мог легко убедиться в этом, ознакомившись со страницами обсуждения журнала «Москва» в секретариате Союза писателей СССР. И нет ничего удивительного в том, что «Литературная газета» разделяет точку зрения, которая ей представляется справедливой и которой к тому же придерживались подавляющее большинство участников обсуждения. Вот что, например, говорили участники упомянутого выше обсуждения.

А. Сурков. «У меня есть две претензии к Симонову... Вместо романа писатель дает отходы и куски, называя их повестями... Это плохой пример молодым писателям». И далее А. Сурков спрашивает: «Изобразить такую подлую, безличную тушу, как этот Бастрюков, — для чего? Сделает его комиссаром дивизии, сделает его партийной совестью большого боевого коллектива — для чего? Зачем Константин Михайловичу надо было дать в фокусе эту фигуру, зачем надо было сделать его комиссаром дивизии?.. Есть критика и «критика». Когда в повести А. Вальцовой сделали из Ковалева копянку подлощю — неверно это! И этот Бастрюков — тоже амесидские всех подостей, которые могут только быть в человеке. Не бывает такого, чтобы один человек был энциклопедией подостей».

Такие же, в сущности, претензии предъявлял и К. Симонов в ходе обсуждения и А. Софранов. «Из писем слова не выкинь», — пишет К. Симонов, забывая, во-первых, то, что хорошая песня предполагает тщательный отбор слов, и, во-вторых, то, что в годы войны сам по себе ни о чем не писал, — то была мужественная, суровая песня о великом подвиге народа на войне, и в той песне куда больше было правды, чем в его последних вещах».

Так что совершенно напрасно автор письма сетует на «Литературную газету», обвиняя ее в злом умысле.

Что касается критической дискуссии о последних произведениях К. Симонова, то, по моему мнению, она сейчас была бы преждевременной: ведь пока что опубликованы лишь фрагменты из неоконченного большого произведения, названного рассказом и повестью. Подождем выхода в свет всего романа.

Тито СКИПА, итальянский певец

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 105 31 августа 1957 г. 3

«ДОЛГО ЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ?»

Американцы о проблеме разоружения

ПО УЛИЦАМ одного из населенных пунктов округа Сан-Матео в Калифорнии движется автомобиль, на борту которого крупными буквами написано: «Запретить испытания атомных бомб». Это супруги Моуд собирают подписи под петицией о прекращении испытаний.

Группа матерей из города Сан-Франциско отправилась к члену городского ассамблеи с просьбой предпринять что-нибудь для прекращения испытаний атомного оружия.

В Сиэтле две тысячи студентов университета штата Вашингтон подписали петицию, призывающую Соединенные Штаты «немедленно прекратить свои взрывы ядерного оружия». Петиция призывает Соединенные Штаты проявить инициативу с целью «содействовать аналогичным мерам во всех концах земного шара».

Комитет американских друзей на службе общества (кварты) организует кампанию по сбору подписей о запрещении испытаний ядерного оружия. Его петиция среди других подписали один из руководителей профсоюза мастеров и рабочих стоголов Патрик Горман, секретарь-назначенный Объединенного профсоюза швейцаров Фрэнк Розенблюм, председатель чикагского отделения Американской газетной гильдии Эдуард Марсиньяк.

Это лишь немногие факты, но они говорят о размахе движения, которое развернулось сейчас среди всех слоев населения США. Страстное обращение швейцарского ученого Альбера Швейцера, потребовавшего прекращения испытаний ядерного оружия, встретило широ-

кий отклик среди американцев. Фермеры и преподаватели высших учебных заведений, домохозяйки и служащие, церковные деятели и профсоюзные организаторы — все обеспокоены судьбами своих детей и всего человечества.

Наибольшую поддержку американской общности получила петиция о прекращении испытаний ядерной бомбы, написанная известным ученым, лауреатом Нобелевской премии Полингом. Она распространена им среди двух тысяч выдающихся ученых США. Реакционные круги тут же предприняли попытку задушить это движение. Сенатская подкомиссия по делам внутренней безопасности, руководимая мрамобесом Истландом, вызвала Полинга для высказывания. Не испугавшись ли коммунистами его петиция, на сцену был выпущен и отъявленный реакционер, редактор журнала «Юнайтед Стейтс энд Уорлд рипорт» Дэвид Лоуренс. Он обильно грязью всех выступавших за запрещение атомных испытаний, в том числе Альбера Швейцера, заявил, что это движение «инспирировано коммунистами».

Однако угрозы эти никто не испугали. Все новые и новые силы включаются в борьбу. Американская федерация ученых опубликовала заявление от имени своих 2500 членов, призывая Соединенные Штаты попытаться через посредство ООН добиться запрещения испытаний.

Американская пропаганда усиленно рекламирует теперь так называемую «чистую бомбу». Это — попытка оправдать свое нежелание пойти на заключение соглашения о прекращении испытаний атомных и водородных бомб. Однако сбить с толку здравомыслящих американцев оказалось не так-то просто. «Слабое утешение» — так назвал свою карикатуру художник Лонг из газеты «Минниполис трибюн», которую мы воспроизводим (см. рисунок слева). Действительно, чисто вымытая водородная бомба в руках бога войны Марса отнюдь не становится менее опасной или менее разрушительной.

Большое впечатление произвела в США опубликованная в самом распространенном литературном журнале «Сатердей ревью» статья его редактора Нормана Кузница «Чистые бомбы и грязные войны» (см. «Литературную газету» от 16 июля). И в последующих номерах журнала Кузница продолжал отстаивать

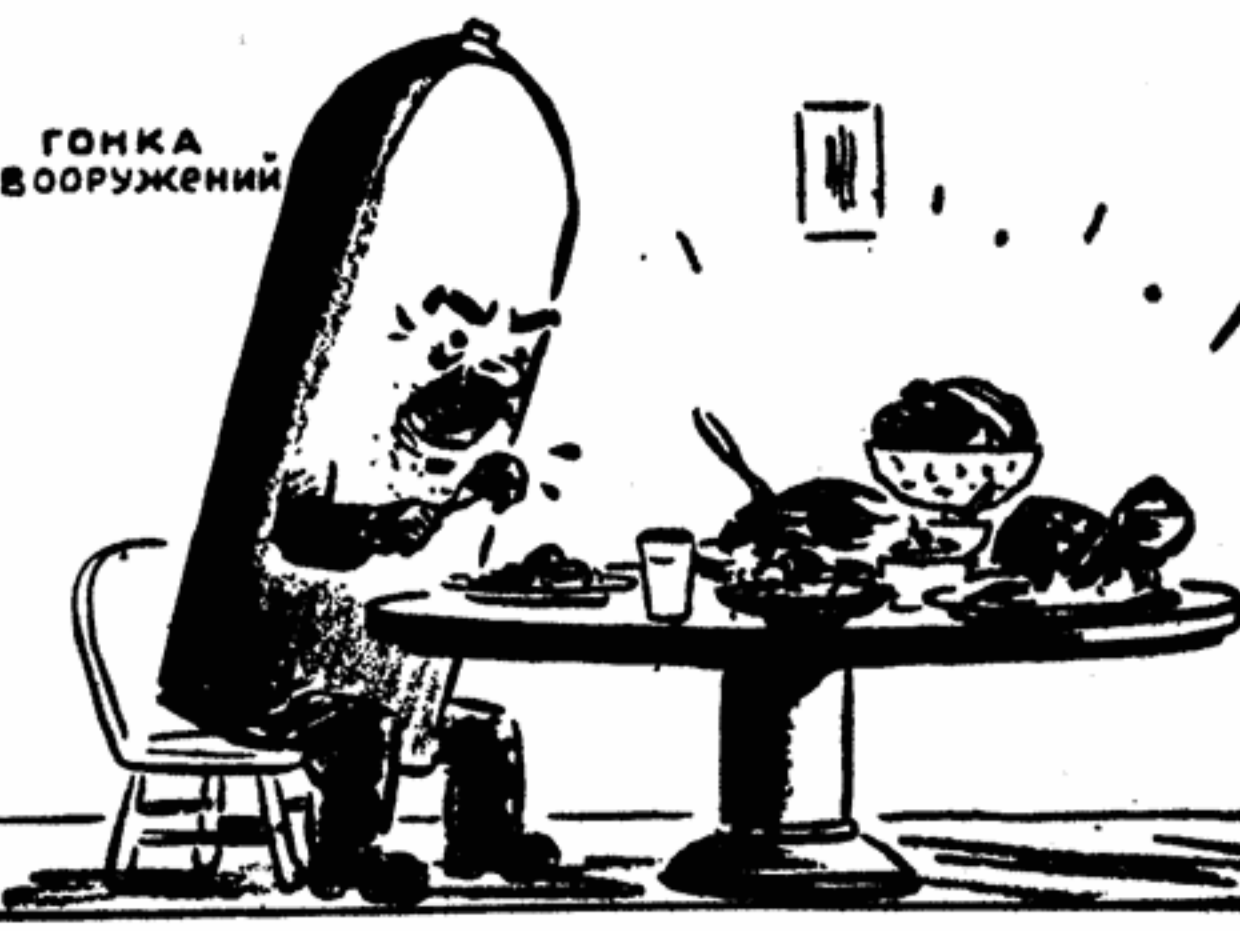
свою точку зрения. Так, он опубликовал открытое письмо Лоуренсу, в котором отвергает его утверждения о связи нынешнего движения с «коммунистической пропагандой». «Было бы серьезной ошибкой считать», — писал Кузниц, — что все те, кто думает об опасностях ядерных взрывов, являются коммунистами или обманутыми ими».

И в самом деле, люди разных убеждений пишут письма в газеты, требуя прекращения испытаний. Например, читатель Клейн пишет в газете «Нью-Йорк пост»: «Протесты против ядерных испытаний сконцентрировали внимание мира на необходимости положить конец подобным испытаниям и отказаться от этого кошмарного оружия. Поэтому мы должны продолжать протестовать». На днях в газете «Чикаго сан энд таймс» было опубликовано характерное письмо за подписью «М. У.» касаясь одной из редакционных статей газеты о переговорах по вопросу разоружения, читатель пишет: «В вашей статье описываются условия, на которых Запад прекратит испытания атомных бомб. Сюда относится соглашение о прекращении производства, о сокращении обычных вооружений и об эффективной системе воздушной и сухопутной инспекции. Это означает соглашение о полном разоружении. Вопрос, который тревожит меня и на который ваша редакционная статья не дает ответа, заключается в следующем: почему мы не можем заключиться с Советским Союзом прекратить испытания до переговоров о полном разоружении? Россия предлагала такое соглашение несколько раз, а мы упорно отвергали его. Почему?»

Почему? Этот вопрос все чаще и чаще задают американцы, видя, что переговоры в Лондоне по разоружению не движутся с места. А ответ нужно искать в Вашингтоне, в ведомстве государственного секретаря и в Пентагоне. «Влиятельная группа», — писал недавно в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» Стюарт Олсон, — внутри правительства, руководимая председателем комиссии по атомной энергии Льюисом Страусом и адмиралом Артуром Родфордом, резко выступает против прекращения испытаний на любых условиях». А журнал «Ньюсуик» в номере от 1 июля отмечал, что вся военная группировка во главе с Родфордом, а также государственный секретарь Даллес и вице-президент Никсон выступают против принятия советских предложений. И все же в Вашингтоне не могут полностью игнорировать требование американского народа. Все чаще в конгрессе можно услышать голоса, призывающие, хотя и очень осторожно, к принятию каких-то мер по прекращению испытаний атомных и водородных бомб. Так, например, сенатор Мэнсфилд внес предложение об организации встречи представителей США, Советского Союза, Англии и Франции для разработки мер по прекращению испытаний ядерного оружия. Сенатор Хэмфри обратил внимание своих коллег на переданную ему избирателями петицию с требованием приостановки испытаний.

Настроения многих американцев выразил в своем рисунке (см. справа) художник Кармек из газеты «Крисчен сайенс мониторинг»: «Долго ли это будет продолжаться?» — задает он вопрос. Этот же вопрос задают и миллионы простых трудящихся, мечтающих о том дне, когда исчезнет угроза возникновения атомной войны.

О. ВАСИЛЬЕВ

Лицемеры отставные и действующие

ОТСТАВНОЙ президент Гарри Труман — в беде на судьбу, так высоко было его вознесение, чтобы затем, так скоро, бросить и бездну забвения. Он всячески пытается выбраться из этой беда: выступает перед телезрителями, издает перульные мемуары. А на днях буржуазную печать обогнала статья Трумана под интригующим названием: «Что бы я сделал сейчас, чтобы уничтожить угрозу в Сирии».

«Угроза в Сирии» — одна из самых модных ныне в западной печати тем. Не случайно поэтому за нее и ухватился жадный до «плаблисити» экс-президент. Публикуя статью Трумана, английская «Дейли экзпресс» рекомендовала автору своим читателям как «блестящего специалиста по действиям с позиции силы».

Хотя эта «специальность» отнюдь не дефицитна и в послетрумановской Америке, статья Г. Трумана представляет интерес своей, так сказать, прозрачностью: империалистическая сущность американской внешней политики вообще и в частности политики на Среднем Востоке просвечивает здесь до самого дна.

«При нынешнем положении вещей», — поучает Труман, — Суэцкий канал, очевидно, почти потерян. Средний Восток также может быть потерян... «Политика «выжидания» в области внешней политики, когда на карту, возможно, поставлено существование, — истерический вопль Труман, — лгуна».

Где же поставлено на карту существование США? Оказывается, — в Сирии. Оказывается, какие же такие грозные шаги могла предпринять эта маленькая страна, находящаяся за тридцать миль от США, чтобы нагнать страх за океаном? Она позволила себе ряд совершенно недопустимых с точки зрения Вашингтона действий.

Во-первых, она осталась верна своему союзу с Египтом, когда эта страна подверглась англо-франко-израильской агрессии. Во-вторых, она упорно отказывается присоединиться к «доктрине Эйзенхауэра» и вступить в агрессивный багдадский пакт.

В-третьих, тщательно подготавливая Вашингтоном заговоры против законного сирийского правительства неизменно ею разоблачаются, а организаторы их изоблачаются перед всем миром.

В-четвертых, сирийское правительство считает себя вправе самостоятельно назначать и смещать руководителей различных государственных и военных органов. В-пятых, Сирия позволяет себе покупать нужные ей товары, где ей заблагорассудится, не обращаясь за разрешением в соответствующий отдел государственного департамента. Совсем недавно, например, Сирия зашла так далеко, что договорилась с Советским Союзом о сотрудни-

честве в области железнодорожного и дорожного строительства, ирригации, в строительстве гидроэлектростанций, промышленных и других объектов. И — что самое «страшное» — это экономическое и техническое сотрудничество будет осуществляться без каких-либо политических и иных подобных условий, на основе равенства и взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела и полного уважения национального достоинства и суверенитета Сирийской республики.

Есть от чего прийти в ужас. И западные политики стремятся во что бы то ни стало помешать сотрудничеству Сирии и других арабских стран с Советским Союзом и странами народной демократии. По сигналу сверху реакционная печать Америки и Западной Европы подняла неистовую антисоветскую и антисирийскую кампанию, не останавливаясь ни перед какими измышлениями, лишь бы отравить международную атмосферу. Журнал «Ньюсуик» уверяет, что в Сирии создаются «запасы оружия для советских парашютистов на случай войны».

«Русские», — фантазирует журнал, — имеют теперь довольно хорошо обученный Арабский легион, состоящий из говорящих на арабском языке русских, которые могли бы выступить тысячами.

Но сколько ни изощряются опытные врали, никакая шухляка о вымышленной «советской угрозе» Сирии и всему Среднему Востоку не в состоянии скрыть вполне реальной угрозы, вновь случающейся над этим районом мира в результате провокационных действий Вашингтона.

Напрасно Труман обвиняет правительство Эйзенхауэра в «бездействии», противопоставляя ему свою собственную «кредитность», продемонстрированную им в 1947 году, когда он провозгласил «доктрину Трумана». По свидетельству «вашиingtonского корреспондента» газеты «Крисчен сайенс мониторинг», события в Сирии вызвали в Вашингтоне «горячую совещания в высших сферах, закулисных маневров и прямой старомодной политики силы, какой не приходилось наблюдать с момента средневосточного кризиса в Иордании».

Если же вспомнить, что «кризис» в Иордании, также организованный американскими заговорщиками, происходил казах — нибудь четыре месяца назад, становится ясным, что «горячка» в Вашингтоне и закулисные маневры фактически не прекращаются.

Нет, зря автор «доктрины Трумана» обвиняет авторов «доктрины Эйзенхауэра», — последние могут дать ему еще несколько очков вперед. Как раз сейчас не безызвестный американский чернильный стратег Хансон Болдуин, «доктриниста Эйзенхауэра» фактически означает, что наша (американская) граница сейчас на Кавка-

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАНДИНАВИЯ

В. ИЗАКОВ

Кнут Гамсун и бог Локи

ЛЮДИ обычно едут в чужие страны с готовыми представлениями о том, что предстоит увидеть. Иногда они везут с собой ворох случайных сведений, иногда — груз предвзятостей, а иногда — образ, запавший в душу сквозя «магический кристалл» давным-давно полюбившейся книги.

У меня, как и у многих людей моего поколения, представление о Норвегии сложилось из книг Кнута Гамсуна. В годы, когда одно за другим появлялись на свет его могучие творения, с такой удивительной точностью прозвучали слова Максима Горького. Разбирая различные типы писателей, он говорил:

«...Затем идут художники исключительной духовной силы, сосредоточенности и почти чудесного духовного зренья; они обладают способностью видеть вневидимое, понимать некое, не явное, открывать в обычном — необыкновенное...»

Это — монументальные люди искусства, творцы «вечных книг», деспоты в области литературы, создатели школ, течений, стилей.

Кнут Гамсун принадлежит именно к этой группе художников слова.

Из книг Гамсуна возникла прекрасная и суровый облик Норвегии, где люди жили, борясь со злой природой, терпя бедность и скуду. Гамсун с удивительной беспристрастностью живописал бедность, несправедливость, зло, не возмущаясь, не предлагая выходов. Такое бесстрашие удивляло читателя, волновало, тревожило, требовало объяснений. Объяснение было дано в заключительных словах литературного портрета, еще три десятилетия назад с таким блеском нарисованного Горьким:

«Это невероятно трудный подвиг — жить на земле в образе Кнута Гамсуна и беседовать всю жизнь с кем-то глупым, немлым, а может быть, неизлечимо глупым или же безумно злым. И как хорошо, что это чудовище не существует и что люди, подобные Гамсуну, размышляя о жизни, только наращивают голову Локи, дабы оторвать ее».

Время оказалось более изобретательным, чем мог предугадать великий гуманист. Чудовище, о котором писал Горький, отожествляя его с богом Локи из древних скандинавских саг, набрало сил и расположилось в самом сердце Европы. — тому ему нарастает голова, — так говорил Гамсун. И вот чудовище пополнило родню Гамсуна, а он, вместо того, чтобы быть злобно с теми, кто снискал славу богу Локи, распростерся перед ним. Это было ударом в сердце всем тем, кому дороги были великие творения Гамсуна. Норвежцы, да и все честные люди на земле, отреклись тогда от Гамсуна и прокляли его имя.

«...Но вот я в Норвегии. Я сижу со своим собеседником председателем Норвежского союза писателей Хансом Хейбергом за столиком ресторана, осушая чашку за чашкой крепкого кофе. Кофе в скандинавских странах — национальный напиток, как у нас чай. Там нельзя себе представить ни дружеской вечеринки, ни деловой беседы, ни, наконец, официального приема без кофе; норвежцы или шведы могут пить его небольшими глотками из крохотных чашек в течение долгих часов... Вот и на этот раз мы осушаем четвертую или пятую чашку».

— Скажите, — решаюсь я наконец, — как смотрят сегодня наши норвежские коллеги на Кнута Гамсуна и его книги?

Ханс Хейберг ответил не сразу. Он начал, тщательно подбирая слова, но постепенно увлекся и, входя в подробные рассказы, как на девятом десятке жизни Кнут Гамсун вызвал презрение и ненависть соотечественников, поддержав оккупантов и позволив им использовать свое имя. Помолчал, председатель союза писателей добавил:

— Благодаря своему таланту Кнут Гамсун мог стать гордостью норвежского народа. Изменив своему народу, он изменил и своему таланту. Но пять лет назад Гамсун умер. И сегодня мы, норвежские писатели, считаем, что пора снова издавать книги Гамсуна, — ведь они являются достоянием классической литературы Норвегии.

— Великий писатель Гамсун победит в памяти народа своего последнего, склонившегося перед богом Локи, — попробовав я суммировать норвежскую точку зрения.

— Да! Да! — обрадованно закивал сидящей головой Ханс Хейберг, и на его еще молодом лице мелькнула улыбка.

встречался и беседовал с писателями Скандинавии, — об этом я и хочу рассказать.

Мне особенно запомнились встречи с нашими шведскими коллегами в новом Доме писателя на окраине Стокгольма. Небольшое двухэтажное деревянное здание, построенное еще в первой половине XVIII века, мастерски реставрировано: оно величественно сохранило романтический дух старины. Реставрация и оборудование дома произведены на средства муниципалитета города, ряда государственных организаций и за счет частных взносов.

Ныне дом перешел в собственность четырех организаций шведских литераторов: союза писателей, объединяющего прозаиков и поэтов; союза «Минерва», объединяющего авторов научно-популярных книг; союза детских писателей; союза переводчиков. (К слову сказать, организации переводчиков имеются во многих странах; есть международное объединение переводчиков при ЮНЕСКО. Не пора ли и нам подумать о создании творческой организации переводчиков?)

Мне довелось побывать в шведском доме писателя дважды: на встрече с группой писателей и в день торжественного открытия, отмеченного поднятием национального флага и банкетом, на котором наряду с другими ораторами произнес веселую и умную речь Михаил Александрович Шолохов. Наши шведские друзья от души радовались тому, что теперь у них будет свой дом; особенно торжествовал Стеллан Арвидсон, председатель союза писателей. Дом писателя в значительной степени — его детище.

У Стеллана Арвидсона — пронзительные серые глаза, скрытые стеклами сильных очков, и внешность школьного учителя. По профессии он и в самом деле учитель, но он также литератор и поэт. У него много лет Стеллан Арвидсон — ректор высшей школы преподавателей. Вдобавок он член риксдага (парламента) от социал-демократической партии. Как видите, это очень занятый человек, что, впрочем, не мешает ему уделять внимание прилегающей из-за границы литераторам и помогать им знакомиться со Швецией.

В беседах со скандинавскими писателями почти неизменно заходила речь об условиях литературного труда. Нашим скандинавским коллегам приходится работать в нелегких условиях, их преследуют материальные заботы. О том, что писательский труд оплачивается в Швеции далеко не достаточно, заявил Стеллан Арвидсон в речи на банкете, об этом же говорили мне и председательница шведского союза переводчиков Эльза Тюлинь, и романистка Инга-Лена Ларсон, и другие.

Гонорар писателя в скандинавских странах — как, впрочем, и в подавляющем большинстве западных стран — определяется в зависимости от числа проданных книг. В Норвегии, например, писатель получает 15 процентов выручки — с вычетом стоимости обложки — за первые 5 тысяч проданных экземпляров и 20 процентов выручки — опять-таки с вычетом стоимости обложки — за все, что продано сверх того; драматурги получают 10 процентов театральных сборов. Писатели получают также небольшие отчисления из государственного библиотечного фонда. В Швеции из этого фонда отчисляется по 3 зек за каждую взятую из библиотеки книгу; из них 2 зек поступают в пользу автора книги, а 1 зек идет в литературный фонд. Надо, чтобы библиотечная книга побывала на руках у 25 читателей, чтобы писатель получил 5 зек — стоимость одного трамвайного билета.

Можно перечислить по пальцам тех писателей Скандинавии, которые имеют возможность целиком отдаваться своему творчеству. Подавляющее большинство имеет какую-нибудь профессию, нередко весьма далекую от литературы. Впрочем, встречаются и литературные профессии, весьма далекие от подлинной литературы... 9 мая я увидел на второй странице стоковского газеты «Свенска дабллет» объявление такого содержания:

«Писатель-невидимка. Требуется опытный стилист с фантазией и юмором для работы по составлению речей и докладов».

Дальше следовал шифр, под которым предлагалось послать на адрес газеты соответствующее предложение... Вряд ли неблагоприятный труд писателя-невидимки может удовлетворить любого литератора.

В мире театра

СКАНДИНАВСКИЙ театр — театр серьезный, с хорошим художественным вкусом, как правило, не соблазняющийся дешевыми эффектами, театр ищущий, обладающий чувством юмора.

Интереснее прежде всего его репертуар. В Национальном театре в Осло я побывал на премьере «Войны и мира» в инсценировке Пискарора и Неймана (перевод принадлежал Хансу Хейбергу). Инсценировка, равно как и режиссер Кнут Хергель, не ставили себе задачей воплотить в сценических образах все содержание великого романа. Это, вероятно, и невозможно; они попытались передать лишь его авторскую сторону. Уже в прологе ведущий напрямую полемизирует с Наполеоном; заключительные слова ведущего содержат горячий призыв к борьбе против войны. Можно спорить о том, Толстой это или не Толстой, но бесспорно одно: это политически острый и полезный спектакль.

Там же в Осло я видел в Народном театре другой интересный спектакль с авторскими остротами — «Трояская война не будет» Яна Жироу. Написанная Жироу комедия, эта сатирическая комедия Жироу переживает сейчас вторую молодость. Тот же Народный театр сыграл в этом сезоне свыше ста «Дневник Анны Франк» в инсценировке Гудрича и Хаккетта — эта антифашистская, антирасистская пьеса совершает сейчас триумфальное шествие по всему миру.

В Драматическом театре в Стокгольме я видел хорошую постановку «Превращения капитана Брасбаунда» Бернарда Шоу. Главную роль — леди Сесилия — исполнила превосходная артистка Инга Тидблад; ее талант оказался мне средним таланту В. Марецкой; тот же юмор, то же умение перевоплощаться, то же победительное обаяние.

Национальный театр в Осло играет в каждом сезоне одну или две пьесы Ибсена, пьесу Бьернсона; в его репертуаре — Шекспир, Мольер, Шоу, Гарсиа Лорка. Драматический театр в Стокгольме ставит ежегодно одну или две пьесы Стриндберга; в его репертуаре — Ибсен, О'Нейл, современные шведские драматурги. Драматический театр ставит и русскую классику: зрители шведской столицы видели в его исполнении «Вишневый сад», «Чайку», «Дядю Ваню», «Месяц в деревне»; из этих спектаклей наибольший успех выпал на долю «Дяди Вани». Отличные драматические театры имеют Гетеборг и Мальмё, на их сценах можно видеть Миллера, Брехта, О'Нейл, Жироу и Пиранделло.

Меня интересовали сроки подготовки спектаклей. В скандинавских театрах спектакль обычно ставится месяца за полтора. Репетиции «Войны и мира» в Осло заняли 6 недель, репетиции «Превращения капитана Брасбаунда» в Стокгольме — менее 5 недель. Такие темпы репетиций вызваны не только необходимостью частого обновления репертуара.

Если постановка спектакля затягивается, то, по нашим наблюдениям, наступает период «мертвых репетиций», — сказал мне Стиг Торслов, один из руководителей стоковского Драматического театра. — «Мертвыми» мы называем такие репетиции, когда спектакль топчется на месте, а то и движется вспять...»

Встреча на озере

Веттерн

МЫ ЕХАЛИ из Гетеборга в Стокгольм. Позади было недельное путешествие по южной Швеции, и все мы порядком устали. Дело шло к вечеру. Взглянув на карту, я предложил спутникам переночевать на озере Веттерн. Это величественное озеро растянулось с севера на юг больше чем на сотню километров; в ширину оно занимает километров двадцать, а местами и больше. На западном берегу Веттерна расположено местечко с забавным для нашего уха названием Ю. Там мы и решили остановиться.

Не успел я в гостинице Ринц заполнить регистрационный листок, написав в графе «профессия»: «литературный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, Е. РЯБИКОВ, В. ФРОЛОВ».

тор», как хозяйка фру Эрнфридсон воскликнула:

— Какое совпадение! У нас здесь тоже живет литератор. К тому же он редактор литературной газеты.

Последнее сообщение меня порядком удивило: ведь я спрашивал, есть ли в Швеции литературная газета, и получил отрицательный ответ. Тем временем из соседней комнаты вышел молодой человек в очках, с серьезным лицом и вздернутыми волосами.

— Карл-Аксель Хёглунд, — отрекомендовался он. — Редактор «Паравана».

Так я познакомился с ответственным редактором литературно-политической газеты «Паравана», издаваемой группой молодых писателей Гетеборга. Мой новый знакомый тут же принес свою газету. Она имела 8 страниц, и в ней было все, что положено литературно-политическому изданию: статьи, очерки, рассказы, стихи, — много стихов, — рисунки, карикатуры.

Мы сели обедать. Блюда подавал симпатичный юноша без очков, но тоже вздернутыми волосами. Сидевший ко мне с блондом жидкой ветчины и фасоли, он указал на одно из стихотворений в «Параване»:

— Это мои стихи, — заявил он без авторской гордости.

Так я познакомился с молодым поэтом Кентом Андерссоном.

Вечер мы провели в обществе Хёглунда, фру Эрнфридсон и ее дочери Уны. Она оказалась женой ответственного редактора «Паравана», а следовательно, главной виновницей того, что маленькая гостиница походила на литературный клуб.

— Нас, молодых писателей, не признают издательства, — говорил Карл-Аксель Хёглунд. — Они навязывают нам невыгодные договоры, ставят в трудные условия.

Хёглунд сослался на собственный пример. У него вышли до сих пор три книжки. Первая — сборник коротких рассказов «В дождь и сумерки» — была напечатана тиражом в 1 200 экземпляров; за нее он получил 400 крон. Вторая — повесть «Вместе» — опубликована тиражом в 1 000 экземпляров; за нее он не получил ничего! Третья книжка — повесть «Ситуация», изданная тиражом в 3 000 экземпляров, приносила автору 1 000 крон. (Музейской книжкой Швеции стоит крон 250—300, а то и дороже.)

— Бывает и хуже, — добавил Хёглунд, — случается, что ни одно издательство не хочет печатать начинающего писателя, и тому остается издавать книгу в собственном счете... Конечно, если у него есть деньги. Вот мы, молодые писатели, и объединяемся, чтобы действовать сообща и совместными усилиями проложить себе путь в литературу.

С величайшим трудом, собирая грошам необходимые средства, молодые писатели Гетеборга принесли шесть лет назад издавать гектографированный ежемесячный журнал «Паравана» («Параваном» называется приспособление для траления подводных мин). Их усилия имели успех. Недавно группа решилась на то, чего не удалось осилить писателям старшего поколения: она перешла к выпуску газеты. Вышло два номера тиражом в 3 600 экземпляров, но пока еще неясно, будет ли газета окупаться, а от этого зависит ее существование. Помимо того, группа выпускает пластинки грамзаписи и устраивает киносеансы, причем особым успехом пользуются фильмы Эйзенштейна. Планы Хёглунда и его товарищей идут значительно дальше, — чего только не задумает, когда тебе двадцать пять лет, а в груди горит жаркий огонь любви к искусству!

Мы засиделись до поздней ночи. Мои собеседники все продолжали рассказывать о себе, мечтали вслух, а главное, с жадностью расспрашивали об условиях работы и существования молодых литераторов в Советском Союзе. Потом мы всей гурьбой отправились гулять на берег озера.

Я слушал горячие речи наших молодых друзей, для которых пробиться к читателю — далекая и трудно достижимая мечта, а литература, возможно, навсегда, — только вторая профессия, и думал: как жаль, что этого ночного разговора не слышит советская литературная молодежь! Ведь часто мы не умеем ценить тех возможностей, которые социалистическая система предоставляет нашим молодым — да и не только молодым — писателям...